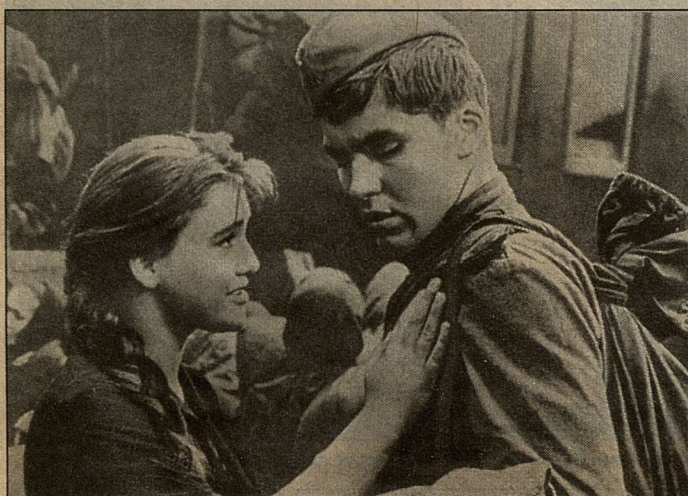

Вчера Россия прощалась с Григорием Чухраем, классиком мирового кино. К Дому кинематографистов шли его друзья и коллеги, его зрители. Его кино уж точно было больше чем кино в обиходном понимании этого слова. Зрелища являются и бесследно исчезают, а это кино осталось в поколениях как необходимый душе свет. Как уровень человеческой высоты, без которой народ становится толпой. Как эталон, с которым сверяешь жизнь. Эти фильмы нас самих смотрят и оценивают, просвечивая, как рентген. К словам прощания, прозвучавшим в затемненном фойе Дома кино, каждый мог бы добавить свои.

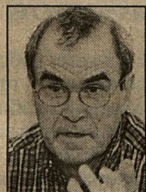

Кадр из фильма «Баллада о солдате»

Глеб ПАНФИЛОВ:

Фронтовое поколение наших кинематографов — особое. На войне они сформировались, прошли закалку, для них слово и дело были неразделимы. Они были молоды, победили и пришли в кино полные сил и замыслов. Картины Чухрая я впервые увидел, когда еще не был кинематографистом. А сегодня считаю его классиком, великим режиссером советского кино. Это был человек своего времени и сделал о нем несколько абсолютных шедевров. Время он выражал на грани возможного, но так сильно и ярко, что казавшееся невозможным становилось реальностью. И это нельзя остановить никакой цензурой.

Человек общественный, он был устремлен в будущее. Создал

Экспериментальное творческое объединение «Мосфильма» — предтечу того, с чем мы пытаемся совладать сегодня. В глухое советское время, в почти безнадежных обстоятельствах он отважился на этот опыт, впервые попытался соединить в фильмах волнующую автора идею с доступностью, зрелищностью, привлекательностью для зрителя. Он этот эксперимент ставил осознанно, на десятилетия опережая время.

Он был коммунистом и советским режиссером — но был честен и смел. Вошел в легенды его поступок на Московском кинофестивале 1963 года, когда, будучи председателем жюри, он вопреки разъяренным властям не побоялся дать главный приз фильму Феллини «Восемь с половиной». По тем временам это был акт огромного мужества.

Хотя он не работал в последнее время, само сознание его присутствия среди нас придава-

ло силы. Чухрай задавал нашему искусству высоту. Как камертон — чистую ноту. Фильмами и самой своей жизнью.

Известия. — 2001. — 1 нояб. — с. 3